

Прогрессизм против модерна. Чему противостоят российские традиционные ценности?¹

Дмитрий Давыдов

Кандидат политических наук.

Научный сотрудник отдела философии.

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук
(Екатеринбург).

Российская Федерация, 620049, г. Екатеринбург, ул. Первомайская, 91.

E-mail: davydovdmityriy90@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена поиску ответа на вопрос, чему противостоят российские традиционные ценности, утверждаемые в официальных документах. Обосновывается, что дискурсы о традиционных ценностях могут создавать иллюзию стремления России к архаике – к противостоянию самому модерну. В статье, однако, демонстрируется, что ценности, представляемые в качестве традиционных российских (жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья и так далее) гораздо ближе к базовым ценностям модерна, чем наиболее трендовые прогрессистские и леволиберальные ценности и идеологии на Западе, влияющие на политику идентичности. Показано, что во многих западных странах модерн, делающий акцент на «автономной личности», пришел к самоотрицанию: «экспрессивный индивид» начал отрицать вообще любые препятствия на пути к самореализации, включая такие базовые ценности модерна, как стремление к объективной истине, моральный универсализм и так далее. Соответственно, попытки сформулировать базовый набор традиционных ценностей можно рассматривать как желание противостоять не столько модерну как таковому или тем его ценностным основаниям, которые подчеркивают стремление к научно-техническому прогрессу или утверждению прогрессивных политических проектов и утопий, сколько идее автономного индивида и экспрессивному индивидуализму. Поэтому Россия вполне может выбрать путь, который будет отличаться как от чистого традиционализма, так и от «альтернативного модерна», так или иначе апеллирующего к идее автономного индивида.

Ключевые слова: традиционные ценности, модерн, постмодерн, персонализм, коммунизм, национальная идеология, национальное единство

Для цитирования: Давыдов Д. А. (2024). Прогрессизм против модерна. Чему противостоят российские традиционные ценности? // Patria. Т. 1. № 1. С. 50–69.

Введение

Российская государственность переживает сложные времена, столкнувшись лицом к лицу с западным экспансионизмом. Этот экспансионизм является не только военным, но и социальным, культурным. Борясь за многополярный мир, наша страна сталкивается с необходимостью поиска собственных ценностных ориентиров. С последним имеются определенные сложности. Если СССР еще можно было рассматривать как проект, продвигающий универсалистскую альтернативу западному капиталистическому модерну, то современная Россия вряд ли может предложить столь же амбициозный и всеохватный идейный проект, который в идеале мог бы быть образцом для всего остального человечества. Пока Россия выбрала по большому счету оборонительную стратегию противостояния тому, что обозначается как западные ценности. Утверждается, что Запад (если во-

обще можно говорить о едином «Западе») зашел слишком далеко в своих экспериментах с гражданскими свободами, то есть эти эксперименты ведут к разрушению фундаментальных оснований нравственности и морали (Пламенев, 2022). Поэтому ставка в идейной борьбе была сделана на концепт традиционных ценностей. Россия представляется как своего рода один из оплотов консерватизма, несущий в своем цивилизационном ядре моральные противоядия против навязываемых западным колониализмом разрушительных культурных тенденций.

Проблемы и противоречия возникают при попытках конкретизировать и детализировать российские традиционные ценности, а также сформировать единый и непротиворечивый образ того, чему данные ценности призваны противостоять. Самый простой подход, который выводится из значения слова «традиционный», заключается в том, что Россия в каком-то смысле противопоставляется самой современности – модерну. К примеру, так считает известный философ А. Г. Дугин, согласно которому в обществе модерна

разрушаются любые коллективы, отвергается любая сакральность, все подвергается релятивизму, и во главе всего ставится индивидуум, который рупит все – связи с обществом, с какими бы то ни было ценностями. Вообще таким образом возникает только одна ценность – это автономный индивидуум, вот он ставится над всеми, и он противопоставляется всему. Это и есть либерализм, который противопоставляется всем традиционным ценностям, и христианским, и индуистским, и буддийским, и традиционным культам Африки, и католицизму Латинской Америки (см.: Чернов, 2023).

Данный подход имеет свои уязвимости. Если основной враг – это современность, то в качестве основной альтернативы предстает или «досовременная» архаика вроде православной веры, или русский, делающий упор на этносе («традиционных русских ценностях»), национализм, что в корне противоречит статусу России как светского и многонационального государства. И если А. Г. Дугин «антисовременен» вполне сознательно, то в некоторых случаях «антимодерность» дискурсов о традиционных ценностях проявляет себя, исходя из их внутренней логики. Как замечают Л. Г. Фишман и В. С. Мартьянов, составители перечней традиционных ценностей

не вполне осознают, каких именно целей хотят достигнуть. Они более или менее отчетливо понимают, что в соответствии с конъюнктурой нужно дистанцироваться от широко понимаемого либерализма. Но дальше начинается ряд спорных допущений, и первое из них – фактическое отождествление либерализма с современностью. (Современность примерно отождествляется с капитализмом, который столь же грубо сводится к культу наживы, эгоизму и так далее). В результате задача дистанцироваться от либерализма подменяется и смешивается с задачей дистанцирования от современности (Фишман, Мартьянов, 2022: 75).

Все несколько усложняется, когда утверждаемые в официальных перечнях традиционные ценности на поверку оказываются далеко не всегда российскими и тем более традиционными. Как замечает И. Тимофеев, комментируя утвержденную Президентом 2 июля 2021 года Стратегию национальной безопасности РФ (Указ Президента...), перечисленные там российские духовно-нравственные ориентиры

имеют либо западное происхождение, либо, по крайней мере, не чужды Западу. Среди них в документе отмечаются жизнь, достоинство, права и свободы человека, патрио-

тизм, гражданственность, служение Отечеству, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений. Права и свободы – это ценности эпохи Просвещения, колыбелью которой является Западная Европа. То же касается патриотизма и гражданственности. Дорогу им пробили Английская, Великая французская, а затем и серия других революций в Европе. <...> Жизнь и достоинство – ценности скорее универсальные и точно разделяемые многими в Северной Америке и Европе. На Западе трудно найти общество, которое отказалось бы от высоких нравственных идеалов и ценности семьи, даже несмотря на несколько волн «сексуальной революции» и эмансипации. Созидательный труд лежит в основе западной экономической этики. Здесь же и сочетание духовного и материального (Тимофеев, 2021).

В итоге возникает ситуация, когда Западу противопоставляются или совсем архаичные элементы, которые достаточно сложно представить в качестве единого и непротиворечивого ценностного или идейного основания даже для нашей страны (не говоря уже об альтернативном Западу политическом проекте), либо западные же ценности, но «вчерашнего дня» (Фишман, 2023). Некоторые авторы обращают также внимание на понятийные трюизмы (кто будет спорить с тем, что солидарность, жизнь, достоинство и так далее – это хорошо?), то есть на декларируемую борьбу «всего хорошего против всего плохого» (Stepanova, 2023).

На наш взгляд, ключевая проблема здесь – в неправильно выбранной понятийной и концептуальной системе координат. Дискурс о национальном самоопределении запутался в дихотомии современное/традиционное, хотя истинная природа того, чему по идее призваны противодействовать российские традиционные ценности, требует объяснения с применением более тонкого концептуального аппарата. То, что характеризуется как нечто чуждое российской культуре и национальной идентичности или даже как свидетельство морального упадка в западных странах, вряд ли можно верным образом отразить только лишь с помощью таких концептов, как современность, модерн или постмодерн. И ответ на эти вызовы вряд ли кроется исключительно в традиции.

Антисовременный прогрессизм?

Для начала стоит разобраться, что же конкретно отрицается сегодня российскими политиками и разработчиками концепта «традиционные ценности». Понятно, что это не могут быть такие изначально универсальные вещи, как гуманизм или взаимопомощь/взаимоуважение. По сути, мы видим несколько конкретных «болевых точек», вокруг которых выстраиваются основные смысловые расхождения с западными политическими повестками. Прежде всего это все, что касается «нетрадиционной» сексуальности и представлений о семье не как о союзе мужчины и женщины. Уже затем следует критика секуляризации, но тоже преимущественно в контексте именно переосмысления религиозных норм в сторону больших свобод в интерпретации священных текстов и принятия, например, однополых браков. Ценности патриотизма нередко продвигаются через подчеркивание противодействия пропаганде ЛГБТК+ (движение «ЛГБТ» признано экстремистской организацией, его деятельность запрещена на

территории России), которая специально навязывается российскому населению с целью посеять смуту или продвинуть западную «мягкую силу». По словам В. В. Путина, «если западные элиты полагают, что смогут внедрить в сознание своих людей, своих обществ странноты, но новомодные тенденции вроде десятков гендеров и гей-парадов, так тому и быть. Пускай делают, что хотят, но они точно не имеют права требовать от других следовать в том же направлении» (Путин: Запад не должен..., 2022). М. Захарова также делает акцент на семье и сексуальной морали: «исходя из базовых характеристик нашего цивилизационного мировоззрения будем продолжать вносить вклад в защиту традиционных духовно-нравственных ценностей, недопущению их подмены ультралиберальной псевдоморалью, извратившей фундаментальные общественные семейные устои» (Захарова заявила..., 2024).

В общем, главный враг – это максимизирующий сам себя либерализм, постоянно наступающий на мораль и нравственность, разрушающий традиции, преемственность поколений и так далее. Даже акцент на патриотизме отчасти объясняется противодействием либеральному космополитизму «граждан мира». Все это действительно можно представить как своего рода порожденный еще модерном западный мейнстрим, агрессивно навязываемый США и их союзниками другим, больше ориентированным на национальные традиции странам. Однако это, очевидно, слишком простая картина, не учитывающая ряд значительных изменений, произошедших за последние десятилетия.

Прежде всего стоит отметить, что большая часть современных западных леволиберальных дискурсов и «политик идентичности» если не противоречат полностью основам модерна, заложенным Просвещением, то расходятся с ними по самым принципиальным вопросам. Более того, такие ценности модерна, как рациональность, универсализм, нацеленность на научно-технический прогресс, все чаще открыто отвергаются различными борцами за гражданские права (см., напр.: Lindsay, 2022).

Сегодня многие исследователи сходятся во мнении, что повсеместная «либерализация» в западных странах берет свое начало в разочаровании левых в классовой борьбе, сдвиге от классовой борьбы к культуре и дискурсу (см., напр.: Готфрид, 2009). В 1960-х «новые левые» переосмыслили марксизм и обратились к более широким темам вроде расизма, сексизма, гомофобии, эйблизма и так далее. В качестве причины эксплуатации и угнетения рассматривался не только капитализм как сугубо экономическое явление, а само общество и его культурная «надстройка». Продолжая подобную логику, можно – вслед за М. Фуко – заподозрить вообще все общественные институты в скрытой в них «институциональной власти». Соответственно, активно развивались и набирали сторонников теории и концепции, рассматривавшие ценности модерна (рациональность, универсальность, меритократия и так далее) как служащие системам расового, гендерного и так далее угнетения: критическая расовая теория (Д. Белл и другие), постколониальная теория (Э. Саид и другие), концепт интерсекциональности (К. Креншоу), вариации феминизма третьей и четвертой «волн» (см.: Rufo, 2023) и так далее. Западные институты, а также прин-

ципы либеральной демократии вроде свободы слова, рассматривались через призму угнетения различных «жертв» белыми цисгендерными мужчинами. Примечательно, что данные тенденции отчасти были порождены критикой Ж.-Ф. Лиотаром метанарративов. Однако если Лиотар и постструктуралисты еще питали скептицизм относительно вообще любых метанарративов и больших дискурсов, претендующих на универсальные смыслы, то впоследствии постмодернистская философия мутирует и превратится в то, что Х. Плакроуз и Дж. Линдси назовут прикладным постмодернизмом (Плакроуз, Линдси, 2022). Особенность такого «постмодернизма» в том, что в нем сочетается взгляд на общество как «систему угнетения» с призывами к практическим, политическим действиям (что противоречит изначальному пессимизму постструктурализма).

Может показаться парадоксальным, но прикладной постмодернизм сохраняет некоторую преемственность с модерном, а точнее – с порожденной модерном идеей автономной личности. Историк и профессор религиоведения К. Р. Трумэн показывает, что западная культура все больше склоняется к своего рода идентификационному картезианству. В рамках такого картезианства, если кто-то заявляет, что он женщина, запечатая в чужом теле, то значит, что он (она) и есть женщина. Если кто-то считает, что он/она/они и так далее² представляет(ют) собой небинарную личность, имеющую один из 70 гендеров (или сразу несколько по настроению – так называемые бигендерность, тригендерность), то так оно и есть. Трумэн ссылается на концепт «экспрессивного индивидуализма» Ч. Тейлора (Taylor, 1989) и «психологического человека» Ф. Риффа (Rieff, 1987), чтобы показать, что мы живем в эпоху революции самости (Trueman, 2020). Согласно Трумэну, такие вещи, как гендерная идеология, не есть просто причудливое ответвление политики идентичности, а, скорее, выражение духа современности.

Экспрессивный индивид – это тот, кто придает своим личным предпочтениям статус универсальных моральных императивов, поскольку никаких других оснований для подобных императивов больше не остается: все они, от семьи³ и религии до науки и экономической системы, считаются теперь препятствиями на пути к персональной свободе. Как отмечает Трумэн, с эпохой Ж.-Ж. Руссо и романтизма возникло новое понимание человеческой самости, ориентированное на внутреннюю жизнь личности. Это мышление находит свое важное критическое следствие в представлении общества и культуры как репрессивных. В частности, у П. Шелли и У. Блейка данный аспект культуры отождествляется прежде всего с христианскими сексуальными кодексами и, в частности, с нормативным статусом пожизненного моногамного брака. «Это подозрение в отношении общества/культуры приобретает дополнительную силу и философскую глубину в работах Ницше и Маркса, которые по-разному доказывают, что история общества – это история власти и угнетения и что даже такие понятия, как человеческая природа, являются конструкциями, призванными укрепить и увековечить это подчинение» (Trueman, 2020: 15). Как далее утверждает Трумэн, «следовать Руссо – значит сделать идентичность психологической. Следовать Фрейдю – значит сделать психологию и, следовательно, идентичность сексуальной. Соединить эту комбинацию с Марксом – значит сде-

лать идентичность – и, следовательно, секс – политическими» (Trueman, 2020: 205). Но суть тут не только в сексуализации политики. Почти все западные «прогрессистские» дискурсы сегодня слились в идеологию, служащую экспрессивному индивидуализму и интересам различных «угнетаемых» групп – женщин, расовых и этнических меньшинств, ЛГБТК+ сообществ (движение «ЛГБТ» признано экстремистской организацией, его деятельность запрещена на территории России).

Правда, если посмотреть на все это с позиций материалистического понимания истории, то можно усомниться в том, что философские идеи, лежащие в основе модерна, могли сами по себе породить «автономную личность» и, соответственно, экспрессивный индивидуализм. Имел место последовательный процесс роста материальной независимости отдельных индивидов, которые постепенно освобождались от многих объективных ограничений и достигали состояния относительной экзистенциальной безопасности. Поэтому здесь вполне уместна концепция постматериалистических ценностей Р. Инглхарта (см., напр.: Инглхарт, Вельцель, 2011), которая объясняет, почему все западные «прогрессистские» дискурсы наиболее востребованы среди относительно обеспеченных и образованных жителей больших городов (Goodwin, 2023). Когда человек сыт и обеспечен, когда больше не нужно постоянно бороться за выживание, остается больше времени на то, чтобы посвятить всего себя самовыражению. При таком раскладе личность становится священной. Персональное мнение приобретает статус неотъемлемой истины, даже если это мнение четырехлетнего ребенка, считающего, что он «родился не в том теле» (см.: Grossman, 2023). И не только материальные условия способствовали расцвету экспрессивного индивидуализма. Бурное развитие коммуникационных технологий открыло доступ для широких масс к беспрецедентным инструментам самовыражения, а также позволило быстро объединяться вокруг конструируемых идентичностей. Это убедительно показал Я. Мунк на примере соцсети Tumblr, где изобретались новые идентичности, в том числе различные вариации гендера (см.: Mounk, 2023).

Иными словами, «автономная личность» стала настолько автономной, что попросту не нуждается более в том, в чем нуждалась ранее⁴. Среди всего «лишнего» обнаружилась и большая часть изначального «ядра» модерна – рациональность, наука, универсальные ценности, нацеленность на научно-технический прогресс и так далее, – поскольку и эти вещи когда-то служили делу выживания, причем обычно коллективного (в рамках класса, профсоюза, государства и так далее). Если повседневная опасность отступила, то вообще все, что не угрожает желаниям «автономной личности», теперь можно подвергнуть сомнению, признать источником угнетения, «системного насилия» или препятствием на пути к свободе и самореализации. Таким образом, во имя экспрессивного индивидуализма был как бы «отменен» и сам модерн, а потому вполне закономерна ситуация, когда в списках российских традиционных ценностей мы видим то, что гораздо ближе по духу еще старому модерну, чем то, что сегодня на Западе маркируется словом «прогрессивное».

Когда традиционные ценности ближе к модерну, чем прогрессивные

Уже очень много написано о том, как западная политика идентичности ведет общество к проявлению феноменов, напоминающих то, что происходило в досовременную эпоху. Так, культура отмены и «безумие толпы» (онлайн-травля обычно консервативных «расистов», «сексистов» и прочих нарушивших новые каноны и языковые правила «обидчиков») чем-то напоминают охоту на ведьм и практики линчевания (см.: Мюррей, 2021). Политика идентичности уводит диалоговое пространство от интеракций равных в правовом отношении субъектов, действующих согласно единым для всех правилам, к трайбализму (Хикс, 2021), когда первична «эпистемология точки зрения» (standpoint epistemology), то есть особое групповое видение. Экспрессивный индивид, таким образом, комбинирует свои групповые идентичности с целью или максимального самовыражения (например, представляя себя как требующую «особого внимания» неповторимую небинарную личность, отнесенную к одной из многочисленных социальных «категорий»), или достижения тех или иных «племенных» привилегий. Многочисленные дискурсы о «жертвах» (в том числе так называемой микроагрессии) отрицают принцип равного отношения ко всем (например, расовый дальтонизм), что постепенно приводит к новым иерархиям – иерархиям жертв и становлению «культуры жертвенности» (Campbell, Manning, 2018).

Критические теории все чаще напоминают теории заговора, которые не поддаются фальсификации, то есть могут доказать все, что угодно. На наш взгляд, если и существует феномен постправды, то в том смысле, что сегодня политические послы все чаще и чаще упаковываются в «научнообразную» обертку. Можно, скажем, «доказать», что ожирение не вредит здоровью, что медицинские дискурсы – это дискурсы бодишеймеров (Лаптон, 2021), хотя все объективные медицинские данные говорят о большой опасности ожирения для жизни (Health Risks..., 2023). Или можно «доказать», что нет ничего плохого в том, чтобы детям с какими-то проявлениями гендерной дисфории нужно давать блокаторы полового созревания, так как иначе они покончат жизнь самоубийством (см., напр.: Фауе, 2021), хотя есть причины считать, что все эти «доказательства», как минимум, сомнительны, а ранний прием блокаторов полового созревания крайне нежелателен для развития организма (Shrier, 2020; Grossman, 2023). Можно даже «доказать», что «упразднение» полиции (ибо она, по мнению аболиционистов, исключительно расистская) не повлияет на уровень преступности, так как полиция не предотвращает преступления (Kaba, Ritchie, 2022), хотя, как показал опыт США 2020–2022 годов, «прекращение финансирования»⁵ полиции чревато резким ростом преступности (Mac Donald, 2023). И если естественные науки еще как-то пытаются сопротивляться политизации, то социальные и гуманитарные уже колонизированы «критической теорией». Как отмечает и показывает на многочисленных примерах американский социолог Б. Кэмпбелл, активисты социальной справедливости слишком часто игнорируют важные социологические идеи, в то время как в других случаях они в значительной степени опираются на утверждения социоло-

гов или других исследователей в области социальных наук, даже если эти утверждения активно оспариваются, не подкреплены доказательствами или совершенно ложны (Campbell, 2024).

Но наиболее проблематичен сам тезис о том, что культура – это вместилище «структурной власти». Этот тезис дает карт-бланш тем, кто считает, что любое неравное распределение результатов в таком случае можно объяснить расизмом, сексизмом, гомофобией, хотя возможны и другие объяснения вроде демографических, культурных (см.: Sowell, 2023) и др. Так игнорируется объективная реальность, все оказывается во власти неких «структур власти, господства и доминирования». Биологические различия между полами замалчиваются, соответствующие исследования влияния данных различий, скажем, на выбор профессий или неравенство в достижениях в математике и естественных науках «отменяются» (Soh, 2020). Более того, запретной становится сама категория «пол», при том что в биологии и физиологии есть вполне конкретное понимание пола как сочетания половых хромосом (XX и XY). Если пола больше не существует, то нет никаких препятствий для допуска к профессиональным соревнованиям на высшем уровне трансгендерных женщин. Хотя объективные данные физиологии говорят, что человек, рожденный мужчиной, имеет весомые физические преимущества над биологической женщиной, это не влияет на политизированные решения вроде разрешения МОК допустить трансгендерных женщин к международным соревнованиям (Blade, Kay, 2021). В целом, гендерные идеологии достаточно далеки от естественных наук. В данном контексте примечательна разница между гендерными идеологиями и тем, как еще совсем недавно обосновывались права гомосексуалов. В конце концов, если не так давно гомосексуальность еще пытались обосновать врожденностью, наличием соответствующего гена или же влиянием гормонов на пренатальное развитие мозга, то сегодня обращение к биологии по сути табуировано, так как свобода выбора оказывается превыше всего, – да и разве может существовать ген *aesthetgender* (гендер, базирующийся на эстетике) или *digigender* (цифровой гендер: вирус, mp3, .txt и так далее)? Любые исследования, которые не вписываются в политическую повестку и представление о «разнообразии» (заметим, что это звучит как каламбур), рискуют быть отмененными⁶.

Все это резонно в контексте тезисов постколониализма о том, что рациональность и универсализм – это рациональность и универсализм белых европейцев. Как отмечает С. Нейман в книге «Пробужденное не значит левое», комментируя идеологию воукизма⁷ (*wokeism*), «сейчас стало популярным убеждением, что универсализм, как и другие идеи Просвещения, является обманом, изобретенным для маскировки европоцентристских взглядов, поддерживающих колониализм» (Neiman, 2023: 29). Верования и «традиционные знания» тех или иных этнических групп становятся даже важнее, чем научное знание, ведь первые аутентичны, не загрязнены попытками навязать «объективную» картину мира всем претендующим на право голоса «притесненным» группам. Как отмечает Дж. Уильямс, «в проснувшемся университете <...> преподают политически однородные преподаватели. Вводные занятия и постоянные тренинги подчеркивают

важность принятия правильных взглядов и использования правильной терминологии. Разногласия подавляются, консенсус навязывается. Деколонизированная учебная программа борется с Ньютоном, Дарвином и Юмом, но включает в себя обучение бессознательным предубеждениям и семинары по разнообразию» (Williams, 2022: 113). Власть и угнетение начинают напоминать мистическую субстанцию (что-то вроде Силы из популярной фантастической франшизы «Звездные войны»), которая окутывает все общество, проникает во все аспекты социальных взаимодействий. Везде можно увидеть некий злой умысел, расизм, сексизм и так далее. Отсюда повсеместные тренинги с целью осознания, например, «хрупкости белых»⁸, которая, согласно тезису Р. ДиАнджело (DiAngelo, 2018) свидетельствует о том, что вообще все белые – расисты. Данные тренинги напоминают практики осознания первородного греха – все белые должны осознать свой расизм, постоянно пытаться преодолеть его, работать над собой (словно медитировать – как в буддизме). Отсюда прямая аналогия с религиозной верой, которую часто проводят консервативные критики воукизма. К примеру, В. Рамашвами пишет, что

пробуждение затрагивает каждую часть жизни его учеников. Как и в любой другой религии, пробуждение не должно быть узким, одноразовым обязательством – это должно быть образом жизни. Оно придает верующим цель и смысл. Это структура, которую они используют, чтобы понять вселенную. Там, где непроснувшийся человек видит обычные взаимодействия, ученик пробуждения видит микроагрессию. Подобно тому, как христианин видит руку Бога во всем Творении, тот, кто проснулся, видит направляющую руку основанных на идентичности властных отношений везде, куда бы он ни посмотрел (Ramaswamy, 2021: 209).

В данном контексте не стоит удивляться, что некоторые российские традиционные ценности, которые фигурируют сегодня в официально принимаемых документах, гораздо ближе по своему духу к базовым ценностям модерна (как мы отметили, большая часть из них, по сути, и являются современными), чем западные «прогрессистские» дискурсы, обусловленные расцветом экспрессивного индивидуализма. Так, жизнь, достоинство, права и свободы человека отсылают к универсализму, подчеркивающему стремление к равному отношению к людям независимо от расы, пола и прочих идентичностей, – на словах к этому стремятся и многие леволибералы в западных странах, но делают они это лишь через цементирующий идентичности и провоцирующий «вражду всех против всех» «стратегический эссенциализм» (Mounk, 2023). Такие ценности, как патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, были изобретены вместе с национальным государством; данные ценности сильно контрастируют с экспрессивным индивидуализмом, ставящим в центр внимания не Отечество, а потребности и запросы отдельных индивидов, многие из которых видят себя не имеющими какой-либо национальной прописки «гражданами мира» – *anywheres*, по Д. Гудхарту (Goodhart, 2017). Даже семейные ценности, взятые в качестве производных от идеи брака как союза мужчины и женщины, больше соответствуют идее рационального познания и принятия объективной реальности, в которой биологический пол все же существует и даже требуется для рождения детей и воспроизводства общества. Иными словами, российские традиционные

ценности куда ближе к модерну, чем западные «прогрессистские», так как апеллируют к универсализму, равенству всех перед законом, в некотором смысле даже объективности, то есть к принятию в традиции того, что было изобретено неслучайным образом, отвечает вполне объективным условиям воспроизводства общества, а не к постоянно множющимся идентичностям или уникальным «точкам зрения».

Прогресс, превосходящий модерн?

На наш взгляд, справедлива точка зрения, согласно которой для полноценного ценностного противовеса западной «мягкое силе», для своего рода проекта цивилизационной контргегемонии вряд ли будет достаточно упора на традицию. Согласимся с Л. Г. Фишманом и В. С. Мартьяновым, по мнению которых «говорить о России в терминах традиционных ценностей в этой исторической точке – значит, занимать заведомо проигрышную позицию в информационной войне, позицию аутсайдера» (Фишман, Мартьянов, 2022: 81). Да, как мы увидели, принимаемые на государственном уровне перечни российских традиционных ценностей гораздо ближе к модерну, чем то западное влияние, которому они призваны противостоять. Россия могла бы даже оставаться консервативным бастионом модерна. Но консерватизм всегда был позицией вынужденно отступающих перед натиском перемен. Быть может, одних только консервативных ценностей могло бы хватить для кратковременного поддержания общественного согласия и единства, однако наша страна пошла по пути, который предполагает неизбежное конструирование альтернативной модели будущего, так как борьба ведется не только в сфере ценностей, но также технологий, военно-технической мощи и так далее.

Но обязательно ли этот проект будущего должен быть продуктом модерна? Конечно, модерн многолик. Однако в его ядре самой важной всегда остается идея автономной личности: «Модерн как общественный конструктор современности может обойтись в разных своих версиях без многих элементов, даже капитализма (СССР) или демократии (Китай). Но при этом Модерн всегда должен опираться на то, что Бог умер, а любая личность является автономной. И эти личности создают общество, управление которым не должно отчуждаться от них через апелляцию к неизменным внешним институциям, не являющимся предметом перманентно пересматриваемого общественного договора (или “коммуникативного консенсуса” Хабермаса), а составляющих нечто вроде его условия» (Мартьянов, 2010: 51). Но здесь мы можем лишь согласиться с позицией К. Р. Трумэна, согласно которой автономная личность в современных тепличных условиях, благоприятствующих индивидуализму, а также фрагментации социально-культурного пространства, неизбежно перерождается в «отмену» всего того, что связано с модерном, кроме самой идеи «автономной личности».

Разумеется, такому перерождению можно пытаться сопротивляться. В конце концов, сегодня многие американские консерваторы сами пытаются возродить модерн под соусом исконно американских ценностей вроде универсализма классического либерализма с его принципами граждан-

ских прав и свобод, равенства всех перед законом (см., напр.: Хикс, 2021; Mounk, 2023) и так далее. Некоторые марксисты пытаются вернуть к жизни универсализм классового анализа, противопоставив его политике идентичности (см. напр.: Léger, 2023). Но все эти дискурсы неизбежно сводятся к тому, чтобы, грубо говоря, попытаться убедить «автономную личность» не заходить слишком далеко в своем безостановочном рвении к индивидуальной свободе (вплоть до полного отказа от каких-либо морально-нравственных рамок: если «приняли» право детей менять гендер, то почему бы не одобрить, скажем, педофилию?). В конце концов, даже марксизм остается в этом отношении двойственным. Несмотря на свое стремление к равенству, солидарности и братству, а также представление о человеке как «ансамбле общественных отношений», марксизм является и во многом продолжает быть детищем модерна, ибо главной целью он всегда видел борьбу с отчуждением, реализацию свободы по-настоящему автономной личности (предполагалось, что в коммунистическом будущем автономия этой личности не будет противоречить автономии других личностей). Именно поэтому К. Р. Трумэн марксизм относит к одной из идейных предпосылок экспрессивного индивидуализма (см. выше).

Возможно, в самом проекте модерна заложена программа самоуничтожения. Но можно ли в таком случае вообще найти действенную альтернативу? Является ли единственной альтернативой расцвету экспрессивного индивидуализма коллективизм или нечто вроде моральной диктатуры, предписывающей всем людям, как им жить? Это серьезная дилемма. Возможно, для ее решения потребуется коренной пересмотр нормативной модели человеческой субъективности, вокруг которой выстраиваются основные ценностные ориентиры. Индивидуализм «автономных личностей» и коллективизм не являются исчерпывающими моделями. В конце концов, существовали попытки найти что-то среднее и более гармоничное. В частности, философский персонализм таких авторов, как Э. Мунье (см., напр.: Мунье, 1994), Ж. Лакруа (Лакруа, 2004) или Н. А. Бердяев (Бердяев, 2010), ставил в центр рассмотрения не индивидуума как некую монаду и не коллектив как нечто поглощающее и обезличивающее, а личность. При этом личность философского персонализма не есть индивид как представитель вида или индивидуальность как совокупность характерных особенностей и свойств, отличающих одного индивида от других. Это прежде всего тот, кто находит свою сущность в диалоге, творчестве и любви. Личность философского персонализма богоподобна в том смысле, что она черпает свои силы прежде всего в положительных, творческих действиях, в эмоциях, нацеленных на других людей, то есть она принципиально не-индивидуалистична. Она становится сильнее не через эгоистическое присвоение максимально возможного, а через взаимную любовь.

Достаточно привести лишь несколько цитат Н. А. Бердяева о женской эмансипации, чтобы заметить резкий контраст с современными западными вариациями феминизма:

... в женской эмансипации, как она проявляется в современную эпоху, есть и обратная сторона: этому мировому движению присуща ложная тенденция, разрушающая самые прекрасные мечты, мистические грезы о божественном Эросе, об Афродите небесной.

Женское движение, несмотря на справедливую свою сторону, в основной тенденции своей направлено против смысла любви, оно проходит мимо глубин пола, создает поверхностное, иллюзорное бытие. Женское эмансипационное движение покоится на том предположении, что мужчина есть нормальный человек, полная индивидуальность, что он не пол, не половина индивидуальности, что нужно походить на мужчину, превратиться в мужчину. <...> Мужчина только пол, половина, он продукт мировой разорванности и разобщенности, осколок цельного бытия. И женщина – пол, половина, тоже осколок. <...> Равенство мужчины и женщины есть равенство пропорциональное, равенство своеобразных ценностей, а не уравнение и уподобление. Ведь могут быть равны по достоинству и по величию философская книга и статуя, научное открытие и картина. Назначение женщины – конкретно воплотить в мир вечную женственность, то есть одну из сторон божественной природы, и этим путем вести мир к любовной гармонии, к красоте и свободе (Бердяев, 1907).

Ключевой тезис здесь очевиден: не может быть никакой «автономной» личности. Мы все – частичные существа, которые могут превзойти самих себя либо через вражду, борьбу за привилегии и максимизацию присвоения, либо через принятие своей частичности и стремление восполнить эту частичность, черпая ее во взаимности, в диалоге, устремленном к вечному – к Богу или же какому-то высшему светскому идеалу: хоть философский персонализм и вышел из-под крыла христианской теологии, он всегда был набором вполне универсальных моделей мышления, о чем философы-персоналисты постоянно говорили, признавая даже атеистический персонализм (см.: Лакруа, 2004).

Возможно, среди подобных светских идеалов мог бы быть и коммунизм. Но тогда следовало бы кардинальным образом переосмыслить наиболее трендовые представления о коммунизме, определять его не как исключительно результат постоянной борьбы за эмансипацию (эмансипацию, по факту, ненасытных «автономных личностей»), а как что-то, что может родиться как прежде всего положительное из положительного, из желания понимать, чувствовать и дополнять других. Как отмечает Я. Мунк, сегодня левые все чаще обращаются к таким концептам, как «эпистемология точки зрения» и «культурное присвоение». Но это в итоге приводит к вражде и дележу «групповых» ценностей, к «войне всех против всех», к чему-то вроде кризиса эмпатии:

...акцент на невозможности взаимного понимания – не просто культурная жалоба; во все большей степени это оправдывает явно политический результат. Поскольку членам разных групп якобы невозможно понять друг друга, тех, кто «более привилегирован», просят подчиняться тем, кто менее привилегирован. Задача верного союзника – «слушать», «подтверждать убеждения менее привилегированных» и «усиливать их требования». На практике акцент на «жизненном опыте» часто сводится к утверждениям, что члены разных идентичностей никогда не смогут понять друг друга и что те, кто принадлежит к более привилегированным группам, должны подчиняться тем, кто принадлежит к более маргинализированным группам (Mounk, 2023: 92).

Что если настоящий коммунизм означает прежде всего работу по «собираанию опыта», по объединению, интеграции, сохранению и приумножению того общего, что еще остается между людьми? В качестве такой связующей нити может быть и объективная реальность, постоянно побуждающая людей спускаться «с небес на землю», сталкиваться с неизбежным, независящим от индивидуальных предпочтений и социальных конструкций.

Но основным приоритетом могло бы быть сохранение общего культурного, символического пространства, что непредставимо без разделяемого большинством проекта будущего, который, правда, никогда не сможет вобрать в себя все индивидуальные смыслы и фантазии, учесть без остатка все партикулярные интересы. Частичность человека также означает, что мнение «автономных личностей» не может быть истиной в последней инстанции и тем более детерминантой этических идеалов. Если четырехлетний ребенок заявляет, что он родился не в том теле, – это еще не значит, что все действительно так⁹. Нормы морали в таком случае рассматриваются с позиций общественного целого, как то, что рождается в опыте многих поколений. Вероятно, здесь не обойтись без важнейшей роли эмоций, вызванных мечтами о мире, в котором люди говорят на одном языке, стремятся к тому, чтобы символических, идентитарных и прочих препятствий для общего дела и коллективной радости было как можно меньше, или чтобы идентичность определялась вещами более высокого порядка, нежели секс и цвет кожи.

Таким образом, мы видим, что противодействовать западному «гиперлиберализму» можно, опираясь отнюдь не только на то, что заложено в традициях. Но и модерн здесь – понятие слишком широкое, так как недостаточно просто предложить «альтернативный модерн». Очень важно видеть корень проблем – порожденный самим модерном и идеей «автономной личности» экспрессивный индивидуализм, разрушающий все остальные ценностные основания модерна (универсализм, веру в разум, научно-технический прогресс и так далее). Соответственно, жизнеспособной альтернативой «отменяющему самого себя модерну» может быть такой проект, который уже не будет опираться на идею «автономной личности». Всецелая устремленность к любви, к общему «жизненному миру»¹⁰, к взаимопониманию, признанию, прощению, взаимодополнению и диалогу всех со всеми возможна как ценностная основа вполне футуристических политических проектов и утопий. Традиционные ценности в этом смысле остаются важнейшей «путеводной нитью», культурной основой единого общества, перед которым открываются самые разные варианты будущего.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в рамках работы по проекту РФФ 23-18-00427 «Социальная консолидация российского общества: механизмы ценностно-институционального обеспечения».

² Речь идет о предпочитаемых гендерных местоимениях, рекомендуемых к использованию другими по отношению к тому или иному человеку для отражения его гендерной идентичности. В английском языке также могут быть указаны притяжательные местоимения («he/him/his», «she/her/hers»). Выбранные местоимения могут включать неместоимения, такие как «ze» и «zir». Человек, использующий несколько местоимений, может перечислить несколько, например, «она/они» или «они/он».

³ Например, писательница, активистка и независимая исследовательница С. Льюис активно выступает за «отмену» гетеросексуальной семьи. По ее мнению, даже в счастливых семьях неоплачиваемый, непризнанный труд по воспитанию детей и заботе друг о друге бесконечен и изнурителен (См.: Lewis, 2022).

⁴ О чем-то подобном писал еще З. Бауман в «Текущей современности»: «...индивидууму уже предоставлена вся свобода, о которой он мог мечтать и на которую он мог разумно надеяться: общественные институты только и хотят уступить заботу об определениях и идентичности ин-

дивидуальной инициативе, в то время как трудно найти универсальные принципы, против которых можно восстать. Что касается мечты коммунаров о «повторном насаждении того, что уже вырвано с корнем», ничто не может изменить тот факт, что можно насадить лишь кровати в мотеле, спальные мешки и кушетки психоаналитиков, и что вопреку общности – в большей степени постулированные, чем воображаемые – могут быть лишь эфемерными артефактами продолжающейся игры индивидуальности, а не силами, определяющими идентичность человека» (Бауман, 2008: 29).

⁵ В США «обанкротить полицию» (defund the police) – это лозунг, который поддерживает изъятие средств из полицейских управлений и перераспределение их на такие неполицейские формы общественной безопасности и общественной поддержки, как социальные услуги, молодежные службы, жилье, образование, здравоохранение и другие ресурсы сообществ.

⁶ Х. Мак Дональд приводит один из примеров, коих множество: «в октябре 2021 года <...> комитет, присуждающий стипендии Американскому геофизическому союзу, отменил список финалистов, который ему представили коллеги-ученые, поскольку все трое финалистов были белыми мужчинами. Лучше вообще не присуждать стипендию, чем дать ее белому мужчине. Лидер инициативы по отмене признал, что финалисты, специализирующиеся на изучении снега и льда, “действительно, удивительно заслуживают внимания”. Но отмена приведет к “более справедливому процессу”. Комитет по отмене не представил никаких доказательств несправедливости в процессе выдвижения, за исключением неприемлемого результата. Действительно, весь процесс получения стипендий Американского геофизического союза был явно ориентирован на женщин: в целом у женщин-финалистов было почти на 50 процентов больше шансов быть выбранными для стипендии, чем у финалистов-мужчин. Это неравенство не было расценено как несправедливое, точно так же, как более высокие оценки, данные женщинам-ученым женщинами-оценщиками <...>, не были расценены как предвзятые (Mac Donald, 2023: 63).

⁷ Воук (woke – англ. «проснуться», «пробудиться») – политический термин, происходящий из афроамериканского английского и обозначающий усиленное внимание к вопросам, касающимся социальной, расовой и гендерной справедливости.

⁸ «Хрупкость белых» – то, как белые люди увековечивают расизм, якобы будучи слишком хрупкими, чтобы обсуждать эту тему открыто и честно.

⁹ Как показывают исследования, обычно гендерная дисфория проходит сама собой по мере взросления и принятия человеком своей внешности (см.: Shrier, 2020).

¹⁰ Понимаемому не только как диалоговое пространство, противостоящее инструментальной рациональности (Ю. Хабермас), но и как нечто ценное само по себе, а также как главное условие сохранения общественного единства.

ЛИТЕРАТУРА

Бердяев Н. А. (1907). Метафизика пола и любви. URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyaev/berdyaev_novoe_rel_sozn/6/ (дата обращения: 03.07.2024).

Бердяев Н. А. (2010). О рабстве и свободе человека. М.: АСТ.

Бауман З. (2008). Текущая современность. СПб.: Питер.

Готфрид П. (2009). Странная смерть марксизма. М.: ИРИСЭН, Мысль.

Захарова заявила, что РФ продолжит защищать духовные ценности от агрессии Запада (2024). URL: <https://tass.ru/politika/20307839> (дата обращения: 03.07.2024).

Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство.

Лакруа Ж. (2004). Избранное: персонализм. М.: РОССПЭН.

Лантон Д. (2021). Жирные. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Мартьянов В. С. (2010). Один Модерн или «множество»? // Полис. Политические исследования. № 6. С. 41–53.

Мунье Э. (1994). Что такое персонализм? М.: Издательство гуманитарной литературы.

Мюррей Д. (2021). Безумие толпы. Как мир сошел с ума от толерантности и попыток угодить всем. М.: Рипол классик.

Плакроуз Х., Линдси Дж. (2022). Циничные теории. Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого. М.: Individuum.

Пламенев И. (2022). Путин заявил о поле битвы «за большую историческую Россию». URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/09/2022/6336e8369a7947ef3aba0cf3> (дата обращения: 03.07.2024).

Путин: Запад не должен навязывать свои новомодные тенденции в виде «десятков гендеров» (2022). URL: <https://tass.ru/politika/16174851> (дата обращения: 03.07.2024).

Тимофеев И. (2021). Россия и Запад: проблема в ценностях? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-zapad-problema-v-tsennostyakh/> (дата обращения: 03.07.2024)

Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 03.07.2024)

Фишман Л. Г. (2023). Обойдемся без миссии. Почему постсоветская номенклатура не может выработать национальную идеологию? // Дискурс-Пи. Т. 20. № 2. С. 52–67.

Фишман Л. Г., Мартьянов В. С. (2022). Если не урок, то проект. Ставка на лучшую Современность для человечества как шанс для России // Россия в глобальной политике. Т. 20. № 4 (116). С. 66–85.

Хикс С. (2021). Объясняя постмодернизм. М.: Рипол классик.

Чернов А. (2023). Александр Дугин рассказал о традиционных ценностях в России. Дугин: западная цивилизация отрицает все традиционные ценности. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/09/20/21327355.shtml?updated> (дата обращения: 03.07.2024)

Blade L., Kay B. (2021). Unsporting: How Trans Activism and Science Denial are Destroying Sport. Toronto: Rebel News Network Ltd.

Campbell B. (2024). How to Think Better About Social Justice: Why Good Sociology Matters. New York: Routledge.

Campbell B., Manning J. (2018). The Rise of Victimhood Culture: Microaggressions, Safe Spaces, and the New Culture Wars. New York: Palgrave Macmillan.

DiAngelo R. (2018). White Fragility: Why It's So Hard for White People to Talk About Racism. Boston: Beacon Press.

Faye S. (2021). The Transgender Issue: An Argument for Justice. London (UK): Allen Lane.

Goodhart D. (2017). The Road to Somewhere: The Populist Revolt and the Future of Politics. London: C. Hurst & Co.

Goodwin M. (2023). Values, Voice and Virtue: The New British Politics. London: Penguin.

Grossman M. (2023). *Lost in Trans Nation: A Child Psychiatrist's Guide Out of the Madness*. New York: Skyhorse Publishing.

Health Risks of Overweight & Obesity (2023). URL: <https://www.niddk.nih.gov/health-information/weight-management/adult-overweight-obesity/health-risks> (дата обращения: 03.07.2024).

Kaba M., Ritchie A. (2022). *No More Police: A Case for Abolition*. New York: The New Press.

Léger M.J. (2023). *The Use and Abuse of Class Reductionism for the Left // Léger M. J. (ed.) Identity Trumps Socialism*. New York: Routledge. P. 177–194.

Lewis S. (2022). *Abolish the Family: A Manifesto for Care and Liberation*. New York: Verso.

Lindsay J. (2022). *Race Marxism: The Truth about Critical Race Theory and Praxis*. Independently Published.

Mac Donald H. (2023). *When Race Trumps Merit: How the Pursuit of Equity Sacrifices Excellence, Destroys Beauty, and Threatens Lives*. Nashville: DW Books.

Mounk Y. (2023). *The Identity Trap: A Story of Ideas and Power in Our Time*. New York: Penguin Press.

Neiman S. (2023). *Left Is Not Woke*. Cambridge: Polity.

Ramaswamy V. (2021). *Woke, Inc.: Inside Corporate America's Social Justice Scam*. New York: Center Street.

Rieff P. (1987). *The Triumph of the Therapeutic: Uses of Faith after Freud*. University of Chicago Press.

Rufo C. F. (2023). *America's Cultural Revolution: How the Radical Left Conquered Everything*. New York: Broadside Books.

Shrier A. (2020). *Irreversible Damage: The Transgender Craze Seducing Our Daughters*. Washington: Regnery.

Soh D. (2020). *The End of Gender: Debunking the Myths about Sex and Identity in Our Society*. New York: Threshold Editions.

Sowell T. (2023). *Social Justice Fallacies*. New York: Basic Books.

Stepanova E. A. (2023). *Everything Good against Everything Bad: Traditional Values in the Search for New Russian National Idea // Zeitschrift für Religion, Gesellschaft und Politik*. Vol. 7. P. 97–118.

Taylor Ch. (1989). *Sources of the Self: The Making of Modern Identity*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press.

Trueman C. R. (2020). *The Rise and Triumph of the Modern Self: Cultural Amnesia, Expressive Individualism, and the Road to Sexual Revolution*. Wheaton (IL): Crossway.

Williams J. (2022). *How Woke Won: The Elitist Movement that Threatens Democracy, Tolerance and Reason*. Croydon: John Wilkes Publishing.

Progressivism vs Modernity. What are Russian Traditional Values Opposed to?

Dmitry Davydov

PhD. (Political Science).

Senior Researcher at the Philosophy Department.

Institute of Philosophy and Law of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences
(Ekaterinburg).

91, Pervomayskaya Str., Ekaterinburg, 620049, Russian Federation.

E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Abstract. The article is devoted to finding an answer to the question of what the Russian traditional values affirmed in official documents are opposed to. It is substantiated that discourses about traditional values can create the illusion of Russia's desire for the archaic – to confront Modernity itself. However, as shown in the article, the values presented as traditional Russian (life, dignity, human rights and freedoms, patriotism, citizenship, service to the Fatherland and responsibility for its fate, high moral ideals, strong family, etc.) are much closer to the basic values of Modernity than the most trendy progressive and left-liberal values and ideologies in the West, influencing identity politics. It is shown that in many Western countries Modernity, which places emphasis on the “autonomous personality”, came to self-denial: the “expressive individual” began to deny in general any obstacles to self-realization, including such basic values of Modernity as the desire for objective truth, moral universalism, etc. Accordingly, attempts to establish a set of traditional values can be seen as a resistance not so much to modernity itself or its values that emphasize scientific and technological progress and political utopias, but to the idea of the autonomous individual and its expressive individualism. Therefore, Russia may well choose a path that will differ both from pure traditionalism and from “alternative Modernity”, one way or another appealing to the idea of an autonomous individual.

Keywords: traditional values, Modernity, postmodern, personalism, communism, national ideology, national unity

For citation: Davydov D. A. (2024). Progressivism vs Modernity. What are Russian Traditional Values Opposed to? // *Patria*. Vol. 1. No. 1. P. 50–69.

REFERENCES

Bauman Z. (2008). *Tekuchaja sovremennost'* [Liquid Modernity], Saint Petersburg: Piter.

Berdjaev N. A. (1907). *Metafizika pola i ljubvi* [Metaphysics of Sex and Love]. URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyaev/berdyaev_novoe_rel_sozn/6/ (data dostupa: 03.07.2024).

Berdjaev N. A. (2010). *O rabstve i svobode cheloveka* [Slavery and Freedom], Moscow: AST.

Blade L., Kay B. (2021). *Unsporting: How Trans Activism and Science Denial are Destroying Sport*, Toronto: Rebel News Network Ltd.

Campbell B. (2024). *How to Think Better About Social Justice: Why Good Sociology Matters*, New York: Routledge.

Campbell B., Manning J. (2018). *The Rise of Victimhood Culture: Microaggressions, Safe Spaces, and the New Culture Wars*, New York: Palgrave Macmillan.

Chernov A. (2023). *Aleksandr Dugin rasskazal o tradicionnyh cennostjah v Rossii. Dugin: zapadnaja civilizacija otricaet vse tradicionnye cennosti* [Alexander Dugin Spoke about Traditional Values in Russia. Dugin: Western Civilization Denies All Traditional Values]. Available at: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/09/20/21327355.shtml?updated> (accessed 3 July 2024).

DiAngelo R. (2018). *White Fragility: Why It's So Hard for White People to Talk About Racism*, Boston: Beacon Press.

Faye S. (2021). *The Transgender Issue: An Argument for Justice*, London (UK): Allen Lane.

Fishman L. G. (2023). Obojdemlja bez missii. Pochemu postsovetskaja nomenklatura ne mozhet vyrabotat' nacional'nuju ideologiju? [We Will Do Without a Mission. Why Is the Post-Soviet Nomenclature Unable to Develop a National Ideology?]. *Discourse-P*, vol. 20, no. 2, pp. 52–67.

Fishman L. G., Mart'janov V. S. (2022). Esli ne urok, to proekt. Stavka na luchshuju Sovremennost' dlja chelovechestva kak shans dlja Rossii [If Not a Lesson, Then a Project]. *Russia in Global Affairs*, vol. 20, no. 4, pp. 66–85.

Goodhart D. (2017). *The Road to Somewhere: The Populist Revolt and the Future of Politics*, London: C. Hurst & Co.

Goodwin M. (2023). *Values, Voice and Virtue: The New British Politics*, London: Penguin.

Gottfried P. E. (2009). *Strannaja smert' marksizma* [The Strange Death of Marxism: The European Left in the New Millennium], Moscow: IRISJeN, Mysl'.

Grossman M. (2023). *Lost in Trans Nation: A Child Psychiatrist's Guide Out of the Madness*, New York: Skyhorse Publishing.

Health Risks of Overweight & Obesity (2023). Available at: <https://www.niddk.nih.gov/health-information/weight-management/adult-overweight-obesity/health-risks> (accessed 3 July 2024).

Hicks S. (2021). *Objasnaja postmodernizm* [Explaining Postmodernism], Moscow: Ripol.

Inglehart R., Welzel C. (2011). *Modernizacija, kul'turnye izmenenija i demokratija: posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitija* [Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence], Moscow: Novoe izdatel'stvo.

Kaba M., Ritchie A. (2022). *No More Police: A Case for Abolition*, New York: The New Press.

Lacroix J. (2004). *Izbrannoe: Personalizm* [Selected Works: Personalism], Moscow: ROSSPJeN.

Léger M. J. (2023). *The Use and Abuse of Class Reductionism for the Left. Identity Trumps Socialism* (ed. by M. J. Léger), New York: Routledge, pp. 177–194.

Lewis S. (2022). *Abolish the Family: A Manifesto for Care and Liberation*, New York: Verso.

Lindsay J. (2022). *Race Marxism: The Truth about Critical Race Theory and Praxis*, Independently Published.

Lupton D. (2021). *Zhirnye* [Fat], Moscow: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly jekonomiki.

Mac Donald H. (2023). *When Race Trumps Merit: How the Pursuit of Equity Sacrifices Excellence, Destroys Beauty, and Threatens Lives*, Nashville: DW Books.

Mart'janov V. S. (2010). Odin Modern ili «mnozhestvo»? [One Modernity or «a Multitude»?]. *Polis. Political Studies*, vol. 6, pp. 41–53.

Mounier E. (1994). *Chto takoe personalizm?* [What is Personalism?], Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury.

Mounk Y. (2023). *The Identity Trap: A Story of Ideas and Power in Our Time*, New York: Penguin Press.

Murray D. (2021). *Bezumie tolpy. Kak mir soshel s uma ot tolerantnosti i popytok ugodit' vsem* [The Madness of Crowds], Moscow: Ripol.

Neiman S. (2023). *Left Is Not Woke*, Cambridge: Polity.

Plamenev I. (2022) *Putin zajavil o pole bitvy «za bol'shuju istoricheskiju Rossiju»* [Putin Declared the Battlefield “for Great Historical Russia”] (2022). Available at: <https://www.rbc.ru/politics/30/09/2022/6336e8369a7947ef3aba0cf3> (accessed 3 July 2024).

Pluckrose H., Lindsay J. (2022) *Cinichnye teorii. Kak vse stali sporit' o rase, genere i identichnosti i chto v jetom plohogo* [Cynical Theories: How Activist Scholarship Made Everything About Race, Gender, and Identity – and Why This Harms Everybody], Moscow: Individuum.

Putin: Zapad ne dolzhen navjazyvati svoi novomodnye tendencii v vide «desjatkov genderov» [Putin: The West should not impose its newfangled trends in the form of “dozens of genders”] (2022). Available at: <https://tass.ru/politika/16174851> (accessed 3 July 2024).

Ramaswamy V. (2021). *Woke, Inc.: Inside Corporate America's Social Justice Scam*, New York: Center Street.

Rieff P. (1987). *The Triumph of the Therapeutic: Uses of Faith after Freud*, University of Chicago Press.

Rufo C. F. (2023). *America's Cultural Revolution: How the Radical Left Conquered Everything*, New York: Broadside Books.

Shrier A. (2020). *Irreversible Damage: The Transgender Craze Seducing Our Daughters*, Washington: Regnery.

Soh D. (2020). *The End of Gender: Debunking the Myths about Sex and Identity in Our Society*, New York: Threshold Editions.

Sowell T. (2023). *Social Justice Fallacies*, New York: Basic Books.

Stepanova E. A. (2023). Everything Good against Everything Bad: Traditional Values in the Search for New Russian National Idea. *Zeitschrift für Religion, Gesellschaft und Politik*, vol. 7, pp. 97–118.

Taylor Ch. (1989). *Sources of the Self: The Making of Modern Identity*, Cambridge (Mass.): Harvard University Press.

Timofeev I. (2021). *Rossija i Zapad: problema v cennostjah?* [Russia and the West: The Problem Is in Values?]. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-zapad-problema-v-tsennostyakh/> (accessed 3 July 2024).

Trueman C. R. (2020). *The Rise and Triumph of the Modern Self: Cultural Amnesia, Expressive Individualism, and the Road to Sexual Revolution*, Wheaton (IL): Crossway.

Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 N 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» [Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 No. 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (accessed 3 July 2024).

Williams J. (2022). *How Woke Won: The Elitist Movement that Threatens Democracy, Tolerance and Reason*, Croydon: John Wilkes Publishing.

Zaharova zajavila, chto RF prodolzhit zashhishhat' duhovnye cennosti ot agressii Zapada [Zakharova Said that the Russian Federation Will Continue to Protect Spiritual Values from Western Aggression] (2024). Available at: <https://tass.ru/politika/20307839> (accessed 3 July 2024).